

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 301:29

«УМЕРЕННЫЕ» САЛАФИТЫ В КОНТЕКСТЕ ЛЕГИТИМНОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ ДАГЕСТАН

З. М. Абдулагатов

Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН

В статье дан анализ ситуации взаимоотношений государства и салафитов в Республике Дагестан. Основное внимание уделено возможной легитимизации деятельности «умеренных» салафитов с целью мирного решения проблем противодействия религиозно-политическому экстремизму в республике.

The article analyzes the situation of the relationships between the state and the salafias in Dagestan. Basic attention is paid to possible legalization of the "moderate" salafias activity with the purpose of peaceful solution of problems of counteraction to the religious-political extremism in the republic.

Ключевые слова: умеренный ислам; исламизм; салафизм; терроризм; государство; общество; комиссия по адаптации.
Keywords: moderate Islam; Islamism; Salafizm; terrorism; the state; society; the commission on adaptation .

1. Острота проблемы

После известных событий 1999 г., по истечении одиннадцати лет после разгрома бандформирований, вторгшихся на территорию Дагестана со стороны Чечни, ситуация в связи с деятельностью экстремистских организаций как на Северном Кавказе, так и в целом в России вновь обострилась. По данным Интерфакса на январь 2008 г., число преступлений экстремистской направленности в России за последние четыре года выросло примерно в три раза.

Особенно тяжелая ситуация сложилась в РД. Как следствие усилилась контртеррористическая активность государства против незаконных вооруженных формирований (НВФ). Если в 2008 г. было уничтожено 77 членов НВФ, то за десять месяцев 2009 г. – 170 [1].

Автор не имеет полных данных за 2010 г., но, по информации печатных СМИ, только в сентябре месяце 2010 г. было уничтожено 54 члена НВФ [2]. По информации, озвученной Президентом РД на съезде народов Дагестана 15 декабря 2010 г., за 4 месяца 2010 г. в РД уничтожено 120 боевиков. «По официальным данным, за 2010 г. количество терактов и покушений на милиционеров увеличилось почти вдвое» [3]. Для сравнения можно привести показатели другой северокавказской республики – Кабардино-Балкарии. По данным, которые были оглашены Президентом этой республики Арсеном Каноковым в октябре месяце 2010 г., «с начала года погибли 32 сотрудника милиции, 50 человек получили ранения, 21 бандит уничтожен» [4]. То есть, 21 человек за 8 месяцев в Кабардино-Балкарии и 54 человека за один месяц в Дагестане.

В феврале 2012 г. под руководством Президента РД Магомедсалама Магомедова прошло заседание Координационного совещания по обеспечению правопорядка в РД. Как сказал Президент, в 2011 г. в РД было совершено 12 250 преступлений разного характера, «наблюдается рост тяжких и особо тяжких преступлений ... бандитизм вырос более чем в 3 раза ... членами диверсионно-террористических групп совершено за прошлый год 323 преступления» [5]. На том же заседании министр внутренних дел РД Абдурашид Магомедов сообщил, что за 2011 г. в ходе антитеррористической деятельности «обнаружены и уничтожены 64 схрона, 26

блиндажей и 11 лагерей, большое количество огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, другого снаряжения и средств осуществления террора» [5].

В данной ситуации усиливается убежденность в необходимости поиска иных, мирных путей решения проблемы. Одним из подходов такого характера в РД обозначена возможная легитимизация деятельности умеренного крыла дагестанского салафизма, часто называемого в официальных кругах и в СМИ ваххабизмом. Вопрос о том, какими будут последствия такого хода развития событий, непростой, и однозначных ответов не имеет.

2. «Умеренный» салафизм в РД: pro et contra

Умеренный ислам («Аль-Вассатия») нашел определенную поддержку на Кавказе. Председатель Управления мусульман Кавказа (УМК) шейх-уль-ислам Аллахшукюр Пашазаде в июне 2009 г., в ходе научно-практической конференции «Мусульмане СНГ за межконфессиональное и межнациональное согласие», поддержал идею умеренного ислама. С поддержкой идеи «Вассатия» выступили также муфтий Чечни Султан Мурзаев, Председатель Координационного центра мусульман Северного Кавказа Исмаил Бердиев. Пока эти заявления не находят должной идеологической и практической реализации. В связи с этим можно предположить, что в лучшем случае упомянутые духовные лидеры считают умеренным тот ислам, который проповедуют: ни о каком иджитхаде пока речи нет. Намного раньше идею «Умеренного ислама» высказывал Председатель Совета муфтиев России Равиль Гайнутдин, пытающийся по-новому осмыслить ислам.

В то время, когда идея «умеренного» салафизма интенсивно обсуждалась в СМИ (2009 г.), когда она нашла поддержку и у власти [6], духовные лидеры РД подчеркнуто молчали. Это молчание не было знаком согласия. Идея умеренного ислама в Дагестане приобрела особую актуальность на почве проблем консервативного салафизма, называемого в Дагестане ваххабизмом. Трансформация радикального салафизма в умеренный решила бы острую проблему не только внутри ислама, но и внутри общества, и в сфере взаимоотношений государства и конфессий. Еще во второй половине 90-х гг. XX в. умеренный исламизм как фактор, способный сдерживать радикалистские побуждения отдельных групп мусульман, особенно молодежи, имел шансы своего развития в РД [7].

Деятельность первой волны умеренных салафитов в РД связывается с именем известного в Дагестане и за его пределами богослова Ахмад-Кади Ахтаева. А. Ахтаев считал ошибкой увлечение радикальных салафитов такфиром – обвинением в неверии других групп мусульман, с уважением относился к суфизму, критикуя лишь его крайности, был противником джихада против российского присутствия на Северном Кавказе, выступал за диалог с властью в решении вопросов признания салафии легитимным направлением в дагестанском исламе.

После смерти А. Ахтаева в 1998 г. проект умеренного исламизма в Дагестане был отложен [7]. Он имел возможность своего возрождения после провала вооруженного вторжения радикального салафизма на территорию Республики Дагестан в августе – сентябре 1999 г. Новыми лидерами в этом деле стали молодые идеологи салафизма Я. Расулов и А. Мантаев. Эти молодые люди пытались преодолеть сложившуюся в Дагестане ситуацию жесткого противостояния между ваххабизмом и тарикатизмом. Молодежное крыло салафизма считало, что ответственность за эскалацию конфликта между властью и джамаатом в конце 1990-х гг. лежала на обеих сторонах [8].

Можно уверенно сказать, что благодаря «обеим сторонам» и молодежное крыло умеренного салафизма в Дагестане эволюционировало в направлении радикального исламизма.

Так или иначе, дагестанский салафизм не приобрел черты умеренного исламизма.

Сегодня в Дагестане делаются отчаянные попытки возрождения идей умеренности среди салафитских группировок. Вопрос о легитимизации их деятельности, чего добивался А. Ахтаев, сегодня уже не находит упорного сопротивления со стороны власти. Как выразился известный в республике адвокат Расул Кадиев в личной беседе с автором, «салафиты будут легитимизированы». Власть активно ищет

диалога с «лесными братьями» в надежде направить их деятельность в мирное русло. При Президенте РД в настоящее время (Указ № 264 от 2 ноября 2010 г.) создана Комиссия по оказанию содействия в адаптации к мирной жизни лицам, решившим прекратить террористическую и экстремистскую деятельность на территории Республики Дагестан [9]. Президент РД обратился к «лесным братьям» с призывом добровольного прекращения участия в незаконных вооруженных формированиях, сдачи оружия с представлением возможности для освобождения от уголовной ответственности и наказания. Серьезность намерений Президента продемонстрировалась и тем, что в состав Комиссии был включен Аббас Кебедов, один из лидеров Ассоциации мусульманских богословов Дагестана (АМБД) «Хайа», которая представляет салафитское движение «Ахлю-сунна-ва-Джамаа».

Появление такой Комиссии по адаптации стало реальным шагом в установлении диалога с салафитскими группировками. Воспользовавшись благоприятной ситуацией, движение «Ахлю-сунна-ва-Джамаа» обратилось к Президенту РД М.М. Магомедову с письмом, в котором изложило свое видение проблем радикального ислама в Дагестане [10]. В обращении имеют место положения, касающиеся как конфессиональных, так и религиозно-политических позиций АМБД «Хайа». В основном они сводятся к следующему:

1. Идет откровенная защита «лесных братьев»: уничтожается «именно верующая молодежь», а не уголовники, насильники и наркоманы.

2. Необходимо отменить Закон «О запрете ваххабитской и иной экстремистской деятельности на территории Республики Дагестан» (1999 г.). Аргументируется это тем, что в Москве принимают на самом высоком уровне лидеров Королевства Саудовская Аравия (ваххабитов), а наши лидеры совершают ответные визиты. Почему они не привлекаются к ответственности за контакты с экстремистами? Закон позволяет, по их мнению, преследование неудобного властям или официальному духовенству.

3. Необходимо дать возможность салафитам иметь джума-мечети в Махачкале, Буйнакске и Дербенте, а при необходимости и в других городах.

4. Дать эфирное время салафитам.

5. Иметь возможность создания и функционирования своих религиозных образовательных учреждений (детские сады, школы, вузы).

6. Рассмотреть вопрос разрешения альтернативных шариатских судов для тех мусульман, которые желают рассматривать свои вопросы в соответствии с нормами шариата.

Все эти требования объединены мыслью о том, что «в государстве, в котором не соблюдаются данные Творцом и фиксированные Конституцией права и свободы граждан, происходит расслоение общества по конфессиональным, этническим, имущественным и иным признакам, становятся нормой чудовищные формы социально-экономической несправедливости, такое государство никак не может быть ни преуспевающим, ни процветающим» [11].

Умеренность данной позиции заключается в том, что:

1. Данная группа салафитов не имеет, во всяком случае, явно выраженных, антироссийских настроений, какие имело направление радикальных салафитов, возглавляемое Багаутдином Кебедовым.

2. Она не говорит об объявлении такфира другим конфессиональным группам, как это наблюдалось в группах радикальных и ультрарадикальных салафитов Б. Кебедова и А. Ангутаева.

3. Она готова к легитимной, прозрачной конфессиональной, политической деятельности в РД.

4. В их позиции нет речи о вооруженном джихаде.

5. Салафиты АМБД готовы к диалогу в обсуждении проблем их взаимоотношений с государством и ДУМД.

В то же время очевидно, что традиционный тарикатский ислам в Дагестане обладает всеми «достоинствами», которые декларируются салафитами АМБД. В чем же разница?

1. Разница в том, что в конфессиональном плане позиция отрицания новшеств выдерживается сторонниками АМБД строже, как и положено салафитам. Об этом четко говорит один из лидеров движения «Ахлю-сунна-ва-Джамаа» адвокат З.

Увайсов в своем интервью газете «Новое дело»: «Ахлю-сунна-ва-Джамаа» – это те, кто следует Сунне Пророка Мухаммада, пути его сподвижников и отказывается от новшеств и нововведений в религиозных вопросах... Мы понимаем ислам так, как его понимали наши предки, благочестивость и праведность которых не вызывает сомнений ни у одного мусульманина» [12]. Идеалом религиозного сознания они считают праведных предков, живших во времена первых четырех халифов.

2. Салафиты АМБД решительно защищают право получать образование в зарубежных исламских учебных заведениях. Как известно, ни ДУМД, ни государство не являются сторонниками такого обучения исламу. В свое время по этому вопросу Президент РФ Д.А. Медведев высказался так: «...контроль за выезжающими. Думаю, что это правильная постановка вопроса. Контроль должен быть обязательно... Но мы не должны, конечно, закрываться от остального мира... запретный плод всегда сладок... Идея долгосрочных договоров с признанными и понятными для нас исламскими центрами... в этом есть резон» [13]. Тем не менее вопрос этот не имеет простого решения. По неофициальным данным, в Аль-Азхаре, в одном из действительно признанных и старейших университетов мира, проходили обучение около 400 дагестанцев. По данным дагестанских правоохранителей, около 10% всех обучавшихся в этом университете были убиты за участие в рядах НВФ [14]. Аббас Кебедов, брат известного лидера радикального салафизма в РД Багаутдина Кебедова, является одним из лидеров АМБД. Его позиция намного мягче, чем у Б. Кебедова. Тем не менее известно, что он имел тесные связи с египетскими исламистами во время учебы в Аль-Азхаре. В ходе первого заседания Комиссии при Президенте РД по содействию в адаптации к мирной жизни членов НВФ

А. Кебедов резко выступил в защиту исламского образования за рубежом. По его мнению «запрет на учебу за пределами России незаконен» [15]. Тем самым поддерживается позиция, провоцирующая внедрение в дагестанскую религиозную жизнь нетрадиционных для нее форм исламского вероисповедования. Как показывает история последних десятилетий, обучение за рубежом есть конфликтотенный фактор общественной жизни, какими бы устремлениями к «чистому» исламу праведных предков это не оправдывалось. В то же время необходимо признать, что позиция А. Кебедова находится в согласии с нормами российских законов.

По экспертным оценкам, в исламских учебных заведениях арабских стран в настоящее время учатся более 3000 дагестанцев. Как правило, молодежь, получившая зарубежное исламское образование, понимает исламскую адаптацию к жизни как тотальное изменение последней в соответствии с нормами шариата. То есть, по своему характеру это не конструктивный, а консервативный салафизм. Такое понимание адаптации в свое время высказывал в СМИ молодой доктор исламских наук Муртузали Магомедов, который с 1991 по 2007 г. находился в арабских странах с целью получения исламского образования. Надеяться на то, что лидер АМБД А. Кебедов, получивший исламское образование в Аль-Азхаре, и его окружение будут иметь иные позиции, не приходится. Тем самым имеет место очевидное противоречие между интересами государства и теми либерально-демократическими нормами, которые она провозгласила.

3. Салафиты АМБД более категоричны в оценках светских законов: в государстве должны быть приняты только законы, данные Творцом. При этом, как видно из одной приведенной выше цитаты, причиной многих бед в обществе – имущественного, конфессионального, этнического расслоения, социального неравенства и другое, по оценкам АМБД, является господство светских законов. Внеисторичность, надуманность, ненаучный характер таких оценок очевидны. Чтобы понять это, не нужно проводить особый научный анализ. Достаточно сравнить качество жизни ряда государств Западной Европы – Швейцарии, Франции, Голландии и др. с так называемыми исламскими государствами, такими как Ирак, Афганистан, Пакистан.

4. Тенденции клерикализма имеют место и в традиционном исламе. Но в позиции АМБД они выражены сильнее. Для З. Увайсова, как салафита, неприемлема «идея непротивления мусульман любым мусульманским правителям», если они подгоняют религиозные нормы под «весьма далекие от ислама запросы власть имущих». «При

принятии решения по любому вопросу мы руководствуемся только текстами Корана и Сунны, абсолютно не принимая во внимание реакцию бюрократии» [16].

Приведенный анализ конфессиональных и социально-политических позиций возможного «умеренного» исламизма в Дагестане показывает, что его умеренность – явление относительное, и реализация его религиозно-политических идей будет иметь неоднозначные последствия.

Возможно, «умеренный» исламизм в его дагестанском исполнении несколько ослабит радикалистское течение салафизма в республике, но вряд ли ликвидирует его полностью. Сомнение в том, что легитимизация умеренных салафитов вызовет из леса «лесных братьев», выразалось и лидерами АМБД. Причиной тому: а) сохраняется заинтересованность внешних сил в дестабилизации ситуации в регионе; б) салафитские группы встали на собственную почву финансирования, в том числе и в форме рэкета. «Бандподполье», по мнению Президента Ингушетии Ю. Евкурова, облагает налогами и крупных коррупционеров. «Боевики приходят к такому чиновнику и говорят: давай, делись» [17]. Как оказалось, это делается и в отношении успешных предпринимателей в форме zakata, мусульманского налога с доходов. «Есть масса свидетельств использования этого института воюющими группировками» [18]. Вопросы религии, рэкета, бандитизма, терроризма, решения бытовых материальных проблем и, может быть, бизнеса, оказались синкретично соединенными в практике «лесных братьев». Это обстоятельство может свидетельствовать о снижении роли религиозного фактора в деятельности «лесных братьев», об инструментальном отношении к ней, т.е. об использовании религии для достижения иных, нерелигиозных целей. Тем самым легитимизация «умеренных» как жест государства в отношении удовлетворения именно религиозных потребностей может не достигнуть своих целей.

Есть основания считать, что лидеры АМБД находятся под влиянием религиозного реформаторства на основе принципов салафии, исламского просветительства и социально-политического активизма в духе «Братьев-мусульман» – религиозно-политической организации, зародившейся в Египте в начале XX в. Аббас Кебедов, который был одним из лидеров всесоюзной Исламской партии возрождения (ИПВ) [19], в свое время являлся неформальным лидером землячества дагестанских студентов, обучавшихся в Египте (около 100 человек). Считалось, что он служил одним из основных каналов связи северокавказских ваххабитов с радикальными исламистскими организациями Египта. «По своим убеждениям Аббас Кебедов тяготел скорее к «Братьям-мусульманам» [20]. Также известно, что в свое время ИПВ имела связи с организацией «Братья-мусульмане» [21]. Отсюда следует, что в оценках того, какой салафизм может развиваться в Дагестане на почве деятельности АМБД, необходимо обратиться к основным характеристикам этой салафитской организации.

Необходимо отметить, что в начале своей деятельности организация «Братья-мусульмане» имела радикально исламистский характер. Но впоследствии она эволюционировала в направлении «умеренного» исламизма, характерными чертами которого в данном случае являются:

1. «Братья-мусульмане» терпимы к различным национальным особенностям ислама, к суфизму.

2. «Братство», как правило, предпочитает выступать в качестве конструктивной политической оппозиции и ориентируется на контакты с официальными властями, т.е. они ведут политическую борьбу не в форме вооруженного джихада, а парламентскими методами.

3. В условиях острого конфликта между салафитами и суфиями «Братство» представляет своеобразную третью «исламскую альтернативу», играет роль посредника в налаживании конструктивного диалога.

4. «Братья» привержены не букве, а духу учений салафитских богословов прошлого и настоящего.

5. В отличие от «джамаатов» «Братья» стараются выводить свою деятельность и доктрины, опираясь на традиционные институты египетского общества.

6. «Братья» старались стоять над традиционным (если не историческим) спором суфиев и салафитов.

7. В отличие от консервативных, радикально ориентированных салафитов, «Братья» выносят идею Такфира в область права, уводя его из разряда важных

вопросов вероучения (Акида). Отдельные лидеры «Братьев» (Мухаммад Кутб) проводили аргументированную критику идеологии и практики дагестанских салафитов. В частности, выступали против радикального толкования принципа таффира.

Приведенные позиции действительно смягчают, цивилиционизируют салафитскую деятельность. Применительно к дагестанским реалиям возможны особенности их проявления.

Во-первых, ряд лет назад, будучи президентом России, В.В. Путин высказал обвинения в адрес «Братьев-мусульман» по поводу оказываемой ими финансовой помощи чеченским боевикам. «Братья-мусульмане» в России оказались в официальном списке исламских организаций, оказывающих финансовую поддержку боевикам в Чечне и запрещенных на территории России. На сегодняшний день в правовом пространстве России это движение не имеет легитимного характера: Верховный суд РФ в 2003 и 2010 гг. признал террористическими ряд исламистских организаций (всего – 16) и запретил их деятельность на территории России [22]. В правовом отношении на территории Дагестана их деятельность может оказаться в более сложном положении, чем у «джамаатов», деятельность которых запрещена «антиваххабитским законом». Правда, АМБД может не обозначить себя как дагестанский филиал «Братьев-мусульман», но от этого суть дела не меняется.

Другой вопрос правового характера в связи с инициативой «умеренных» заключается в том, что «в Республике Дагестан не может быть зарегистрировано более одной республиканской религиозной организации одного и того же вероисповедания» [23].

Еще один вопрос правового характера заключается в том, что вопросы мирных переговоров с «ваххабитами» невозможно обсуждать без участия Национального антитеррористического комитета (НАК), созданного Указом Президента РФ от 15.02.2006 г. Проблема в том, что ни один член НАК не входит в Комиссию по адаптации. В данной ситуации Комиссия не может быть стороной по переговорам. Ей отведена лишь консультативная роль. Это означает, что без участия НАК в работе Комиссии ее предложения не будут реализованы [24].

И, наконец, трудным правовым вопросом для сторонников легитимизации «умеренных» будет отмена «антиваххабитского» закона, который активно защищается представителями ДУМД.

Во-вторых, требуют более пристального внимания исторические условия возникновения и становления «Братьев» в Египте и в Дагестане. «Братья» в Египте прошли вековой модернизационный путь от идеологии радикализма к мирной политической активности. Дагестанский менталитет, острая межэтническая конкуренция, нахождение Дагестана в правовом, культурном пространстве светски ориентированной России может формировать другую траекторию развития дагестанских «Братьев». Дагестанские «Братья» – это больше привнесенное, а не возникшее на собственной почве явление, и потому самые интригующие особенности местных социальных, социально-политических условий могут оказаться вне их внимания.

В-третьих, распространение идеологии «Братьев-мусульман», рост ее влияния в общественных организациях создали угрозу монополии светской власти в Египте. В связи с этим даже в государстве с глубокими исламскими традициями пришли к выводу о необходимости сменить тактику и перейти от терпимого прежнего отношения к «Братям» к тотальному давлению на движение [25]. По информации в Интернете от 22 ноября 2010 г., в Египте по политическим мотивам были арестованы 1000 «Братьев-мусульман». В условиях Дагестана, где уже существует такая угроза, перспектива развития и распространения идей «Братства» в конечном итоге может привести к социальному конфликту.

В-четвертых, среди религиозно-политических группировок последователей «аль-Их-ван аль-муслимун» («Братья-мусульмане»), отколовшихся на определенном этапе от единой организации, имеются как «умеренные», так и радикальные военизированные группировки [26]. Говорить о том, в каком направлении будут развиваться себя дагестанские Их-ван муслимун пока трудно: общие положения их

религиозно-социальной, религиозно-политической позиции, изложенные в письме Президенту РД, для этого недостаточны.

В-пятых, «умеренный» салафизм усилит и без того огромную вовлеченность в религию всего населения, особенно молодежи. Массовое увлечение одной идеологией, какими бы добрыми намерениями это не определялось, в том числе и религиозной – это передозировка. Еще одна религиозно-политическая идеология в лице «умеренного» исламизма в РД – это религиозная передозировка. Она усилит и без того высокую внутриконфессиональную напряженность в республике. В депрессивном, дотационном регионе, каковым является Дагестан, это грозит ослаблением светских основ общественной и государственной жизни. Как следствие, это внесет новые ограничения на конкурентоспособность республики в сфере социальных, экономических и культурных преобразований.

В-шестых, исследования в отделе социологии ИИАЭ ДНЦ РАН показали, что в народном исламе дагестанцев всегда были и есть черты умеренного салафизма. Они сводятся к тому, что дагестанцы, строго соблюдая нормы шафитского мазхаба, выражая в своем исламском сознании составляющие салафитского религиозного мировоззрения, вели исламский образ жизни, не объединяясь в политические группировки, секты, организации. Идея «умеренного» салафизма, которая охватила круг лиц в РД, может привести к политизации этого сознания, т.е. массовому проявлению взаимоотношений одной части верующих с другой, с государством, на основе салафитского дискурса.

В-седьмых, очевидно, что «умеренный» салафизм постепенно приобретает легитимность и политическую значимость благодаря активности радикальных салафитов. В связи с этим нет никаких оснований думать, что «умеренный» исламизм будет активно противодействовать радикальному.

5. Краткие выводы

Означает ли проведенный анализ, что легитимизация деятельности «умеренных» салафитов нежелательна, тем более, недопустима? Вряд ли такой вывод был бы справедлив с позиций общих подходов: как можно запретить деятельность религиозной организации, если она не будет противоречить Закону о религии, законам государства. Но, как показано выше, для этого потребуются решение массы нелегких правовых вопросов. Это – важная формальная сторона вопроса, но, в известном смысле она опирается на вопросы содержательного характера.

В содержательном плане государству желательно выделить тактические и стратегические цели своего отношения к «умеренным».

В тактическом плане легитимизация их деятельности необходима для снятия остроты силового противостояния радикального салафизма и государства, для отхода от однозначно силовых методов решения проблемы, для начала мирного диалога. Это, наконец, то, что может служить началом реальной светской идеологии противодействия экстремизму и терроризму в РД. Религиозная идеология суфизма (официального ислама) эту проблему решить не смогла и не сможет, так как это противостояние имеет внутри ислама многовековую историю и обращена исключительно на богословские проблемы.

В стратегическом плане все высказанные опасения в связи с возможной легитимизацией «умеренных» могут проявить себя в полной мере, если будет сохраняться сегодняшнее состояние общества и государства в двух позициях.

1. Состояние государственно-конфессиональных отношений. Дело в том, что в РД, как и в России в целом, вопреки закону мы имеем разное приближенные государству «официальный» и «неофициальный» ислам. Первые получают от государства не только правовую, идеологическую, политическую, но и материальную помощь. Государство оказалось «пристегнутым» в конфликтные процессы внутри ислама, и даже в богословские дискуссии по поводу того, какой ислам «истинный». Религии, точнее, интересам узкой группы духовных лидеров, уделено слишком много внимания в ущерб светским интересам государства и общества. Социологические опросы не подтверждают актуальность для рядовых мусульман республики тех проблем, которые поднимаются как государственными отдельными духовными лидерами.

2. Решение проблем социального благополучия, социальной справедливости в обществе. В противном случае ислам будет продолжать исполнять роль инструмента социальных протестов. Как хорошо известно, салафитскими группами этот протест выражается сильнее.

ПРИМЕЧАНИЯ И ЛИТЕРАТУРА

1. Информация предоставлена Центром по противодействию экстремизму МВД РД по просьбе Института ИАЭ ДНЦ РАН 08.11.2009 г.
2. См.: Колова С. Убийный сентябрь // Новое дело. 2010. 1 окт.
3. Алленова О., Варьвдин М. Нельзя все сводить к проведению одних лишь спецопераций: Интервью Президента РД М.М. Магомедова // Даг. правда. 2011. 9 февр.
4. Интервью Президента Республики Кабардино-Балкария А. Каноква // Коммерсантъ. 2010. 1 окт.
5. Магомедов М. Население республики требует от нас решительных, жестких мер // Даг. правда. 2012. 3 февр.
6. См.: Сурков выступил за создание филиалов кувейтской организации «Умеренный ислам» на Кавказе. URL: <http://www.Kavkaz-news.Info/Portal> (дата обращения: 19.11.2010).
7. Макаров Д.В. Несостоявшееся возрождение умеренного исламизма в Дагестане. URL: <http://www.islamrf.ru/news/library/islam-word/2585> (дата обращения: 15.02.2007).
8. См. подробнее: Абудулагатов З.М. Идеология «ваххабизма» а молодежном крыле салафитского движения Дагестана // Дагестанский социологический сборник-2009. Махачкала, 2009. С. 8-27.
9. См.: Обращение Комиссии при Президенте РД по оказанию содействия в адаптации к мирной жизни лицам, решившим прекратить террористическую и экстремистскую деятельность, на территории Республики Дагестан // Даг. правда. 2010. 18 нояб.
10. См.: Президент и салафиты // Молодежь Дагестана. 2010. 21 мая; Обращение АМБД «Хайа» // Настоящее время. 2010. 1 окт.
11. Обращение АМБД «Хайа» ...
12. Власть и ислам: несостоявшаяся встреча: интервью З. Увайсова // Новое дело. 2010. 4 нояб.
13. Медведев Д.А. Заключительное слово на встрече с муфтиями и руководителями регионов Северного Кавказа. 29 августа 2009 г. URL: <http://news.kremlin.ru/news/5301> (дата обращения: 26.10.11).
14. См.: Аль-Азхар закрыт для россиян // Новое дело. 2011. 21 янв.
15. См.: Адаптация боевиков через комиссию // Новое дело. 2010. 19 нояб.
16. Власть и ислам: несостоявшаяся встреча...
17. Игорь Егоров. Кто сколачивает пацанов в банду? // Рос. газета. 2010. 15 дек.
18. Ярлыкапов А.А. Запят на Северном Кавказе: советские годы и современность // Мир ислама: история, общество, культура: тез. докл. II Междунар. науч. конф. М., 2010. С. 214.
19. ИПВ организована в 1990 г. и просуществовала до 1994 г.
20. Макаров Д.В. Указ. соч.
21. Ражбадинов М.З. Умеренный исламизм в Египте. На примере деятельности организации «Братья-мусульмане». М., 2006. С. 400-406.
22. См.: Исламизм в России. URL: <http://Yuwikipedia.ovg> (дата обращения: 26.11.10).
23. Закон Республики Дагестан «О свободе совести, свободе вероисповедания и религиозных организациях». Ст. 10, п. 6.
24. Кадиев Р. Не пришло еще время // Настоящее время. 2010. 17 дек.
25. Ражбадинов М.З. Указ. соч. С. 420.
26. См.: Али-заде А. Ихван муслимун // Исламский энциклопедический словарь. М., 2007.

Поступила в редакцию 11.01.2011 г.
Принята к печати 28.09.2012 г.